

УДК 740.172

**ЭТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ
МИРОВОЗЗРЕНИЯ
СОВРЕМЕННОГО
ЧЕЛОВЕКА КУЛЬТУРЫ**

Бабошина Елена Борисовна

Кандидат педагогических наук, доцент,
Курганский государственный университет,
г. Курган,
e-mail: ebaboshina@rambler.ru

**ETHICAL FOUNDATIONS
OF THE WORLDVIEWS
OF MORDERN HUMAN
OF CULTURE**

Baboshina Elena B.

Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor,
Kurgan State University, Kurgan,
e-mail: ebaboshina@rambler.ru

Актуальность статьи определяется необходимостью пересмотра социально-культурных ориентиров в становлении мировоззрения личности. Автор ставит целью социально-философское обоснование возможностей гуманизации в условиях технократической действительности и массовой культуры. В содержании анализируются социально-философские подходы и позиции к культурным проблемам и к человеку в культуре (Л.Н. Коган, С.В. Лурье, М. Мид); к пониманию техногенного развития общества и положению в нем человека (В.А. Кутырев, Э. Фромм, М. Хайдеггер). Автор проводит различие между физическим приспособлением к среде и социально-культурной адаптацией, рассматриваемой в качестве ведущего способа социализации современного человека, во многом определяющего его мировоззрение, ценностные установки и позиции. Важным

The article is relevant due to the necessity to reconsider the socio-cultural orientations in formation of individual's outlook. The aim of the article is to give the socio-philosophical justification of the possibilities of humanization in terms of the technocratic reality and mass culture. The author analyses the following socio-philosophical approaches and positions: to the study of cultural issues and a man in modern culture (L.N. Kogan, S.V. Lurie, M. Mead); to the understanding of the essence of the technogenic development of the society and the individual's position in it (V.A. Kutuyev, E. Fromm, M. Heidegger). The author makes a distinction between the physical adaption to the environment and socio-cultural adaptation as the leading method of socialization of a person, in many ways laying the peculiarities of his outlook, values and positions. An important result of the study is the understanding of the specific of culturalization in the development of modern human

выводом исследования выступает понимание особенностей культурации в становлении современного человека культуры, автор также предлагает гуманистические пути учета эволюционной сущности человеческой природы в техногенной цивилизации, прежде всего в образовании.

Ключевые слова: адаптация, гуманизация, культурация, природа человека, сущность человека, человечность, человек культуры.

of culture. The author proposes a humanistic way of accounting the evolutionary essence of human nature in the technogenic civilization, primarily in education.

Keywords: adaptation, humanization, cultura-tion, humanity, human nature, humanity, hu-man of culture.

Актуальность проблемы этики обусловлена усилением кризиса человека в мире, отмечаемого с середины XX в. в отечественной и зарубежной науке (М. Вебер, Н.Н. Моисеев, А. Мольт и др.). Вслед за Ч. Сноу, определившим причиной разделение труда в развитии «двух культур», А. Мольт характеризует кризис как умирание традиционной гуманитарной культуры, придавшее культурному процессу негативную черту – мозаичность [1, с. 38, 313], прежде всего, как форму присвоения культуры и характеристику сознания личности. Кроме того, меркантильность и технологизация социума уже сформировали «бездушного профессионала» [2, с. 134], или актора как безличностного деятеля [3]. Оправдывается видение К. Маркса о том, что в превалировании интересов частной собственности человек, превращаясь в материальное условие, теряет себя как цель. Для изменения ситуации мы считаем необходимым изучение культурного становления человека, апеллируя к В.С. Библеру, видевшему культуру как проблему самого человека и его диалога [4]. В то же время нам понятен взгляд И.Ф. Гегеля на историю человека как историю отчуждения, где нравственный мир «показал лишь отошедший в нем дух...» [5, с. 34]. Признавая всю сложность исторического поворота человека к себе как цели, солидарны с позицией, определяющей гуманизацию единственным выходом (Н.Н. Моисеев, А. Печчеи, Э. Фромм, Ф. Фукуяма), что, однако, выглядит в прагматичном социуме порой наивной затеей в силу условий рынка, а также неготовности социальных институтов увидеть имеющиеся возможности. Определим некоторые.

Содержание анализа проблемы. Для понимания гуманизации нам важно уточнение понятий «природа человека» и «сущность человека». Первое – расширительно, включает физис, генетику; второе проявляет «надприродное», самоценное и значимое как «вещь для себя», формируя уникальную сферу бытия – культуру, становящуюся определяющей сущностью (А. Гелен), последней целью к природе человека (И. Кант). Это означает, что в основании мировоззрения как истока «самостояния»

очевидна главная проблема свободы как необходимости ценностного выбора. Способность к выбору обнаруживает дух в переживании онтологической свободы в открытости миру как полноту чувственно-рационального бытия, вызывающего и ощущение крайней неравновесности положения в мире. По И.Ф. Гегелю, это выбор между свободой и жизнью: «Поскольку жизнь столь же существенна, как свобода, постольку борьба заканчивается как одностороннее отрицание...» [5, с. 34]. Выбирая свободу в обществе, человек выбирает господство, и наоборот, выбирая жизнь как свободу, он превращает себя в раба, подчиняющегося тем, кто избрал господство. В этом видна непримиримость индивидуальной и социальной свободы в идее абсолюта.

В поиске же реальной свободы как самореализации в прагматичном обществе человек становится деятелем, но чтобы не потерять индивидуальную свободу, вынужден развивать «само-так-бытие» (термин М. Шелера) как психическое убежище. Однако движение к нему не происходит как заданный процесс, а качество определяется духом человека, умением относиться к себе как ценности, становление чего в рынке всерьез отягощено вероятностью развития отношения к себе как средству для своих целей. В этом виден парадокс рыночной психологии, ратующей за выгоду для себя и этим превращающее «я» в «вещь для себя», формируя ситуацию абсурда. Здесь субъект уже потенциально имеет низкий уровень субъектности. В таком социально-личностном контексте возможность гуманизации, в нашем понимании, связана с развитием рефлексии как способа активизации ценностного начала, осознанного моделирования человечности как специфики проявления главного собственного потенциала – человеческого. Человечность, возникая в форме моральной категории из осознания человеком своей конечности (М. Мамардашвили, В. Соловьев), становится его сущностью и, значит, метацелью культуры.

При этом основным способом проявления человеческой природы, как и ее изменения, выступает адаптация как целостный процесс, потому адаптивность как ведущее свойство должна учитываться в гуманистических моделях развития его сущности. По Х. Хартманну, в адаптации человек может менять реакции, несмотря на базовые импринтинг-модели поведения («идеал-формации»), что приводит к расхождению с моделями среды, а индивидуальная адаптация может столкнуться с адаптацией вида, при этом интересы индивида могут иметь как больший, так и меньший вес в сравнении с интересами общества [6]. Так проявляется взаимодействие культурно-исторической заданности, «порядка», «исторического базиса реакций», по Г. Дришу [7], и возможно-

сти их дальнейшего преобразования путем социальной податливости. И здесь сложно различима адаптация как желаемый выбор от конформного подавления в себе чего-либо. Этим подавлением сущего в человеке, в частности его моральной основы, и опасна техногенная цивилизация. Человек, уступая свои интересы нормам прагматичного социума, ощущает конфликт индивидуального сущего с социальным миром, ведущий к общей дисгармонии, нарушению обоих порядков.

С этих позиций культура личности как ее становление в некоем порядке включает многостороннее взаимодействие личности в ее ценностных установках, импринтинг-моделях с нормами социальности и задаваемыми в этом процессе личностью и средой позициями и целями. Реализуя идею гуманизации, важно учитывать, что качество процесса сегодня задается и образовательными стратегиями как порядком, определяя позитивные и негативные следствия становления личности, важные и для целых формаций. Так, мы видим рост национальной и политической агрессии отдельных стран и сообществ, пики религиозного экстремизма и фанатизма, весомой причиной которых выступают и специальные технологии влияния, в том числе в образовании. В таком контексте свободное самоопределение человека возможно только при особом ценностном содержании процесса, но в прагматическом обществе выбор часто происходит не в пользу фундаментальных социокультурных качеств как оснований целостности, выделяемых нами в образе человека культуры (см. ниже). Этому препятствует и мозаичный характер культуры. Гуманитарность сознания «страдает» от отсутствия «единой нити» Логоса, которой только и может выступать, в нашем понимании, ценность. Человек и сам ощущает это. Он растерян.

Многолетний опыт исследовательской и образовательной деятельности в университете позволяет нам заметить, что, к сожалению, современные студенты часто с трудом поддерживают беседу со ссылкой на образы литературных героев, политические события, беседу о понятиях и терминах, другое. И проблема не только в осведомленности или начитанности, но также и в трудности определения базисной ценностной позиции к диалогу, в неумении его развертывать в ценностном обосновании. У значительной части молодежи недостаточно сформирована матрица общекультурного мировоззрения, что можно определить не столько как вину молодых, сколько как общую проблему, а чтобы понять ее значимость – как беду социального мировоззрения, для развития которого незаменимое значение имеет культурно-историческая преемственность, осуществляемая в ценностно-рациональных категориях (термин М. Вебера).

Таким образом, сегодня проблема качества культурации как социальной адаптации всецело касается содержания и механизмов эволюции. Актуальным в этом плане является понимание социальной адаптации как сугубо надстроечного явления культуры. Так, по С.В. Лурье, «культура народа» «структурируется под влиянием стратегии жизнедеятельности» [8]. Общим ценностно упорядочивающим направлением гуманизации мы видим коэволюцию как стратегию культурной социальности, где экосознание – условие ценностного выбора, подходы к чему раскрыты В.И. Вернадским, Н.Н. Моисеевым.

Вхождение человека в культурную среду, помимо коэволюционного характера, имеет еще одну современную черту, отмеченную М. Мид в работе «Культура и преемственность» как префигуративный тип культуры, где взрослые учатся у детей. Позитивность социализации как свобода выбора эволюционных путей здесь может и должна придаваться обоснованиям ее метаценностного содержания, связанного общей идеей гуманизации как поиска человечности в развитии человеческого (см. выше). Так, по А. Швейцеру, мыслящий человек считает благом поднимать жизнь «до высшего уровня», в чем заключен «абсолютный принцип этики» [9, с. 373]. Позиция определяет антропность ведущим принципом бытия и запрашивает пересмотр ценностных позиций в цивилизации и в отношении к ведущему средству и способу развития – технике. Актуальность проблемы, поднятая Н.А. Бердяевым, перерастает в злободневность. Прежде всего, мы имеем в виду существенное порождение техногенности – техническое мышление, переносимое в социальную сферу как формализующее, алгоритмизирующее ее, что лишает творчества как прозрения, вдохновения, живого участия, определяя прагматизм главным подходом к явлениям. Человек не просто уподобляется машине, но теряет субъективность на родовом и социально-культурном уровнях.

В понимании сущности техники сошлемся на М. Хайдеггера, для которого человек стоит внутри сущностной сферы техники как «вида раскрытия потаенности», но есть опасность невозврата в исходную точку, чтобы «услышать голос более ранней истины» [10, с. 225, 234]. Но в поиске мироотношения, служащего истоком всякого начала деятельности, человек научается быть собой, субъектом, через «мироотношение», «установку» и «вторжение» [10, с. 17]. Полагаем, сегодня особо важно понять, что становление человека в техногенных условиях зависит от его избранной позиции и в отношении к себе, от чего зависит его становление как субъекта. Понимание становления как процесса «само» свойственно и М. Буберу, раскрывшему первичность отношения как

взаимности, где появляется «духовный элемент» примитивной жизни, цель – в прикосновении «ты» как «участие в бытии» [11, с. 16]. Этого прикосновения лишено общество, принявшее за стандарты рационализованные, прагматичные интересы. Ощущая глубину проблемы, Л.Н. Коган подчеркивал, что антропогенный выход, или «поворот цивилизации к человеку», лишь «намечается» [12, с. 111]. Н.Н. Моисеев раскрывал в трудах важность стратегии самой цивилизации.

Следовательно, гуманизация как ключ к развитию достижима в трансцендентном подходе к человеку в культуре, его целям. Это проекция понимания существования, форма ценностной рефлексии в культуре. Такая гуманизация современности возможна как смыслообразующая или метаоснова, в движении к чему выявляется роль субъективности в развитии в культуре ее субъекта, творца. Так этическое становление человека в культуре обретает сущностную важность в развитии целого, в котором определяющим является способ отношения человека к себе и миру, задающий тип интерпретации. Это усиливает роль субъектности, которая в отличие от простой субъективности, как сущее в человеке, отличается стремлением к объективному (истинному) отношению к себе и миру. По этому поводу важно мнение М. Вебера о том, что «образование “исторического индивидуума” обусловлено его “соотнесением с ценностью” не как подведением под универсальные понятия: “ценностное суждение” означает, что, вынося его, я занимаю по отношению к данному объекту в его конкретном своеобразии конкретную позицию» [2, с. 450]. Выбор к человечности как метасмыслу в индивидуальном бытии запрашивает именно субъектную позицию, т. е. выверенную в смыслах, потому не случайную в ценностном измерении и означающую культурный вклад.

Субъектность личности в излагаемом содержании есть ее способность мыслить самое себя, о самом себе в мире, себя как феномен, следовательно, способность к рефлексии, ведущая к развитию ценностного отношения к себе и миру. Такое содержание рефлексии возвращает к гуманитарной культуре как сущности и результату становления человека в культуре, а в новых условиях как к показателю осуществляемого поворота в развитии человеческой субъективности в постиндустриальных условиях, как к явлению, имеющему метаисторическое значение в эволюции. А. Мольтке подчеркивал важнейшую цель этой культуры для личности и общества – ее путеводный характер [1, с. 38]. И хотя моральные ценности не могут быть искусственно определены личностью и обществом, трансформируясь под влиянием конкретно-исторических условий, все же базовые остаются неизменными, как связанные с сущ-

ностью человеческого, выступая идеей и смыслом совершенствования (добро, истина, красота, жизнь). Гуманитарная культура является их выражением, базисом гуманитарности. В нашем исследовании она выступает ценностно-мировоззренческой основой человека культуры как позитивного образа современной личности, интегративными качествами которого также выступают субъектность, диалогичность, творчество, гуманность. Удержанию себя в ситуации морального выбора может способствовать только преодоление кризиса тождественности как преодоление отчужденности человека. «Тождественность “я”, или самотождественность, отсылает нас к категории “быть”, а не “иметь”» [13, с. 282]. В согласии с Э. Фроммом определим, что возможность «быть» для человека становится реальной только в сущностном как целостном становлении, когда его причиной и целью выступает не эго, но «я» как субъект (быть в мире).

Некоторые обобщения по поводу возможности гуманизации современного общества. С учетом проявленных пониманий проблема этических оснований мировоззрения современного отечественного человека культуры нам видится как многомерная гуманистическая задача, решаемая через систему входящих в нее социально-культурных вопросов: 1) становление мировоззрения современной личности является ведущей задачей специальных социальных институтов, в первую очередь образования. При этом важно утверждение понимания, что образование есть само ведущая ценность, в особой мере современного общества; 2) деятелям образования необходимо приложить максимум усилий для улучшения личной и статусной ценностной позиции, не ожидая, пока «меркантильное» общество сделает само шаг навстречу в этом направлении; 3) мотивом и практическим доводом этого должен послужить правильно понятый и обоснованный социальный заказ, под которым должен не только пониматься сиюминутный и сугубо прагматический интерес общества, но и видеться метаперспектива его развития через рост человеческого потенциала.

Мнение в помощь. Согласимся с мнением А.Ф. Филиппова, что «калькулирующую рациональность» важно «сопрягать с пониманием особой природы высших целей, задаваемых ценностями», а также, что бывают действия, которые делаются совсем не для успеха, «возможного нельзя было бы достичь, если бы в мире снова и снова не тянулись к невозможному. Тот, кто на это способен, должен быть “в самом простом смысле слова героем”» [14]. В отношении к роли образования ученый подчеркивает, что здесь важно изменить саму формулировку вопроса – «с позиции возможности» «в позицию единственной возможности»:

«Если это не происходит в университете, то не происходит нигде в обществе» [15]. В дополнение отметим, что действительно сложно принять за нормальный процесс не первый год длящуюся дискуссию о приоритетах рыночно-прагматичного и фундаментального образования. Нельзя не согласиться с теми, кто считает такой спор изначально неконструктивным, рутинным. Определяя образование ведущей идеалобразующей сферой, мы пришли к выводу о необходимости компромисса, соединяющим основанием в достижении которого и должен выступить ценностный подход. Однако полезно услышать социолога А.Ф. Филиппова о том, что «холодный и близорукий расчет» потребителей образовательных услуг может модифицироваться «под влиянием идеалистической пропаганды», а в силу стремления к идеологическим изыскам, очевидно, в России «никогда не переведутся желающие стать филологами и философами» [14]. Увидим в позиции резонность опасения, что сугубо потребительское отношение к образованию, как и к культуре, может привести к «псевдоценностному эффекту». К примеру, под влиянием «радеющих» деятелей общество проникнется лжестремлением к ценностям, согласится с псевдокачеством в образовании. Вместо субъекта, готового к культурному диалогу, проявятся активные лицемеры и политиканы, а также исхитряющиеся в поисках прибыли под прикрытием лозунгов о всеобщей пользе предприниматели и др. К сожалению, обрисованная картина не такая уж и фантазмагория.

Общее заключение. В соответствии с изложенным материалом и логикой анализа заключим, что в определении понятия «гуманитарная культура» мы исходим из принципиального различия гуманитарного и технократического типов отношения к действительности: как позднего этапа цивилизации и вырождения культуры (позиция О. Шпенглера) и собственно культурного (ценностного и жизнеутверждающего). Для осуществления второго варианта человек, проявляемый для себя (выбор в пользу бытийной свободы и бытия) и других (выбор в пользу социально актуальной свободы и бытия), только и может становиться субъектом. Этот субъект, утверждающий свой статус в мире, по М. Хайдеггеру, как явление, порожаемое диалогом, по В.С. Библеру, в условиях диалога «я» и «ты», по М. Буберу, ожившей натурой, по Л.Н. Когану. Его мироотношение основано на трансцендентной установке к совершенствованию, в котором гуманитарная культура как вариант позитивно и целостно развитой общей культуры выступает ценностным инструментообразующим механизмом свободного выбора, подкрепляемым внутренними возможностями рефлексии как переживания актуальности сознания своего положения в мире. Это личность, изучаемая

нами как ее особый современный и будущий тип, как человек культуры в цивилизации, вобравший в себя актуальные смыслы социального мира, но способный к осознанию их метазначения в бытии. Этот тот «простой герой» нашего времени, о котором пишет А.Ф. Филиппов. И в этом плане «нет более короткого» пути, «кроме фундаментального преобразования отчужденного человека» в «жизнеутверждающего» [14, с. 282]. Для такого становления важно возвращать активность человека как источник его субъектного потенциала, а поскольку сама «философия находится на пути к бытию сущего» [15, с. 17], то в этом процессе нельзя не становиться философом.

Литература

1. *Моль А.* Социодинамика культуры / пер. с фр.; вступ. ст., ред. и прим. Б.В. Бирюкова, Р.Х. Зарипова и С.Н. Плотникова. М., 1973. 406 с.
2. *Вебер М.* Избранные произведения / пер. с нем.; сост., общ. ред. и посл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайденко. М., 1990. 808 с.
3. *Кутырев В.А.* Человек XXI века: уходящая натура // Человек. 2001. № 1. С. 9–17.
4. *Библер В.С.* От наукоучения к логике культуры. Два философских введения в XXI век. М., 1990. 413 с.
5. *Гегель Г.В.* Сочинения. Т. 4 : Феноменология духа. М., 1959. 203 с.
6. *Хартманн Х.* Эго-психология и проблема адаптации / пер. с нем. Д. Рапопорта; пер. с англ. В.В. Старовойтова. М., 2002. 160 с. URL: psychol-ok.ru/lib/hartmann/epipal/epipal_03.html (дата обращения: 21.02.2016).
7. Новая философская энциклопедия : в 4 т. / под ред. В.С. Степина. М., 2001. URL: psyoffice.ru/5-enc_philosophy-2248.htm (дата обращения: 14.01.2016).
8. *Лурье С.В.* Историческая этнология. Гл. 5. Жизнедеятельность и жизнеобеспечение этноса. URL: svlourie.narod.ru/hist-ethnology/5.htm (дата обращения: 05.06.2015).
9. *Швейцер А.* Благоговение перед жизнью / пер. с нем.; сост. и посл. А.А. Гусейнова; общ. ред. А.А. Гусейнова и М.Г. Селезнева. М., 1992. 576 с.
10. *Хайдеггер М.* Время и бытие: Статьи и выступления : пер. с нем. М., 1993. 447 с.

References

1. *Mol' A.* Sociodinamika kul'tury / per. s fr.; vstup. st., red. i prim. B.V. Biryukova, R.H. Zaripova i S.N. Plotnikova. M., 1973. 406 s.
2. *Veber M.* Izbrannye proizvedeniya / per. s nem.; sost., obsch. red. i posl. Yu.N. Davydova; predisl. P.P. Gaydenko. M., 1990. 808 s.
3. *Kutyrev V.A.* Chelovek XXI veka: uhodyaschaya natura // Chelovek. 2001. № 1. S. 9–17.
4. *Bibler V.S.* Ot naukoucheniya k logike kul'tury. Dva filosofskih vvedeniya v XXI vek. M., 1990. 413 s.
5. *Gegel' G.V.* Sochineniya. T. 4 : Fenomenologiya duha. M., 1959. 203 s.
6. *Hartmann H.* Ego-psihologiya i problema adaptacii / per. s nem. D. Rapoport; per. s angl. V.V. Starovoytova. M., 2002. 160 s. URL: psychol-ok.ru/lib/hartmann/epipal/epipal_03.html (data obrascheniya: 21.02.2016).
7. Novaya filosofskaya enciklopediya : v 4 t. / pod red. V.S. Stepina. M., 2001. URL: psyoffice.ru/5-enc_philosophy-2248.htm (data obrascheniya: 14.01.2016).
8. *Lur'e S.V.* Istoricheskaya etnologiya. Gl. 5. Zhiznedeyatel'nost' i zhizneobespecheniye etnosa. URL: svlourie.narod.ru/hist-ethnology/5.htm (data obrascheniya: 05.06.2015).
9. *Shveycer A.* Blagogoveniye pered zhizn'yu / per. s nem.; sost. i posl. A.A. Guseynova; obsch. red. A.A. Guseynova i M.G. Selezneva. M., 1992. 576 s.
10. *Haydegger M.* Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya : per. s nem. M., 1993. 447 s.

11. *Бубер М.* Два образа веры / пер с нем.; под ред. П.С. Гуревича, С.Я. Левит, С.В. Лезова. М., 1995. 464 с.

12. *Коган Л.Н.* Теория культуры : учеб. пособие. Екатеринбург, 1993. 160 с.

13. *Фромм Э.* Иметь или быть? М., 1990. 336 с.

14. *Филиппов А.Ф.* Ценность университетского образования. URL : russ.ru/pole/Cennost-universitetskogo-obrazovaniya (дата обращения: 24.02.2016).

15. *Хайдеггер М.* Что это такое – философия? // Вопросы философии. 1993. № 8. С. 113–123.

11. *Buber M.* Dva obraza very / per s nem.; pod red. P.S. Gurevicha, S.Ya. Levit, S.V. Lezova. M., 1995. 464 s.

12. *Kogan L.N.* Teoriya kul'tury : ucheb. posobiye. Ekaterinburg, 1993. 160 s.

13. *Fromm E.* Imet' ili byt'? M., 1990. 336 s.

14. *Filippov A.F.* Cennost' universitetskogo obrazovaniya. URL: russ.ru/pole/Cennost-universitetskogo-obrazovaniya (data obrascheniya: 24.02.2016).

15. *Haydegger M.* Chto eto takoe – filosofiya? // Voprosy filosofii. 1993. № 8. S. 113–123.